

Шэнь Тянье смотрел на Ци Хэюаня: тот выглядел до боли искренне, и Шэнь Тянье снова засомневался. У него действительно бывали приступы лунатизма: он плохо спал на чужой кровати, а на диване вовсе страдал бессонницей, после чего мог начать ходить во сне.

«Сам залез во сне в кровать, кого винить? Придётся смириться». Шэнь Тянье не знал, было ли это оправданием для себя или потаканием Ци Хэюаню, но в любом случае он был полон злости.

— Пойду в школу, а ты отдыхай. Вечером зайду.

Ци Хэюань спрыгнул с кровати, двигаясь так быстро, что никаких признаков травмы или болезни не было видно.

— Не надо, я сейчас выпишусь. Если бы не ты, я бы вообще не остался в больнице. Этот запах дезинфекции отбивает аппетит.

Шэнь Тянье вспомнил, что вчера Ци Хэюань действительно ничего не ел, лишь пару раз откусил от яблока, которое тот почистил, зато съел много кожуры. Сейчас, видя его бодрым и полным сил, подумал, что лучше бы они просто ушли домой.

— Ладно, переоденься, я соберу вещи.

Они собрали свои вещи и оформили выписку.

Шэнь Тянье думал, что Ци Хэюань поедет домой, но они оказались на улице Синьцзян.

— Зачем ты сюда приехал? В этом доме ничего нет, даже человека, который мог бы о тебе позаботиться.

— Не хочу домой. Отец наверняка ждёт меня с нравоучениями. Если чего-то не хватает, можно купить. Ты думаешь, мне нужен кто-то, чтобы за мной ухаживал? Если бы не сестра, которая настояла, чтобы я переночевал в больнице, я бы там и минуты не остался.

Ци Хэюань завалился на кровать в спальне.

— Давай, иди в школу. Я посплю. Вчера всю ночь боялся, что ты упадёшь, так что почти не спал, только держал тебя.

Шэнь Тянье почувствовал, что его лицо, должно быть, выражало что-то невероятное. Он восхищался Ци Хэюанем: тот всегда умудрялся говорить вещи, которые, казалось, заслуживали казни, с такой лёгкостью, будто спрашивал: «Ты поел?»

— Эээ... Если чего-то не хватает, возьми у меня дома. Мы рядом, так что не надо ничего покупать.

Шэнь Тянье хотел пойти один, но Ци Хэюань настоял на том, чтобы пойти вместе.

— Если бы не рана у тебя на спине, я бы подумал, что ты всё это притворяешься.

Ци Хэюань сидел на пассажирском сиденье, одной рукой придерживая живот.

— Я заеду купить завтрак. Мы так спешили собрать вещи, что даже не поели.

Шэнь Тянье всегда был равнодушен к еде.

— После определённого времени я уже не голоден. Я куплю, ты не выходи.

Не успел он договорить, как Ци Хэюань уже вышел из машины.

Через десять минут Ци Хэюань вернулся.

— Держи, булочки горячие, не обожгись.

Шэнь Тянье увидел, что он купил всего две булочки.

— Ты же голоден, разве двух булочек хватит?

— Ты же не голоден, одну булочку съешь? — Ци Хэюань говорил небрежно, но в голове уже думал, как избавить Шэнь Тянье от привычки пропускать приёмы пищи.

Шэнь Тянье промолчал, взял булочки. Он тоже думал, как избавиться от своей чрезмерной чувствительности.

Открыв дверь, Ци Хэюань с лёгкой усталостью плюхнулся на диван.

— У тебя есть тёплое одеяло? — Шэнь Тянье поставил булочки на стол и налил стакан воды для Ци Хэюаня.

— Возьми два. Ты тоже переезжай сюда. Так будет удобнее за мной ухаживать, и тебе не придётся оставаться в этой мрачной комнате. Обещаю, не буду приставать. — В голосе Ци Хэюаня звучала надежда.

Но Шэнь Тянье безжалостно её разрушил.

— Твои обещания имеют столько же веса, как если бы слепой сказал, что видит!

С этими словами он направился в комнату сестры, чтобы взять одеяло.

Эй, почему дверь открыта?

Шэнь Тянье открыл дверь, и его движения резко остановились. Сделанный шаг был прерван на полпути.

То, что он увидел в комнате, словно удар молнии обрушился на него, выбив из головы все мысли и лишив сил. Его лицо моментально побелело.

— Сестра... — Шэнь Тянье не знал, сколько мужества потребовалось ему, чтобы войти в комнату.

В следующую секунду он почувствовал, как сильная рука прижала его к плечу.

Ци Хэюань увидел лежащую на кровати Шэнь Тяньхуа. Её рука безвольно свисала на пол, а вокруг растекалась ещё не высохшая кровь, которая резанула ему глаза.

Он крепко прижал голову Шэнь Тянье к своему плечу. Если бы он мог, то отдал бы всё, чтобы стереть эту память.

Тело Шэнь Тянье полностью обмякло на Ци Хэюане. Если бы не его поддержка, он бы упал на пол. Ци Хэюань чувствовал, как Шэнь Тянье дрожал, его зубы стучали.

Всё произошло так внезапно, что даже Ци Хэюань не мог это принять.

Шэнь Тянье не хватило смелости проверить, была ли его сестра просто в обмороке от потери крови. Он боялся, действительно боялся.

Ци Хэюань попытался отстранить Шэнь Тянье, но тот только крепче обнял его. Сердце Ци Хэюаня сжалось от боли, и слёзы мгновенно потекли по его лицу. Он крепко обнял Шэнь Тянье, понимая, что тот боится. Он слышал, как Шэнь Тянье, стиснув зубами его плечо, повторял:

— Сестра...

— Тянье...

Ци Хэюань, видевший много потерь, думал, что его сердце уже окаменело. Но оказалось, что всего лишь одна тень боли на лице Шэнь Тянье способна разрушить эту стену.

Он вдруг понял, что перед болью Шэнь Тянье он может только плакать вместе с ним. Никакие слова не смогут утешить человека, которого он держит в объятиях.

Боль Шэнь Тянье Ци Хэюань чувствовал как свою. Его мать тоже умерла у него на глазах, и он знал, насколько это тяжело. Если бы он мог, то взял бы эту боль на себя.

Ци Хэюань думал, что никогда не произнесёт нежных слов, но теперь понял, что просто не дошёл до этого предела.

— Тянье, поплачь, пожалуйста. Ты не представляешь, как мне больно видеть тебя таким. Тянье, Тянье!

Похороны Шэнь Тяньхуа организовали Ци Хэюань и его отец. Они прошли очень скромно, никого не оповестили, и большинство людей даже не знали, что она ушла из этого мира.

Всё это время Шэнь Тянье находился в состоянии высокой температуры, то и дело бредил, иногда вскрикивая имя сестры. Он выглядел так, будто был на пороге смерти.

Ци Хэюань привёз Остона и свою домработницу на улицу Синьцзян. Он почти не отходил от Шэнь Тянье, кроме как в туалет.

Прошло уже три дня, а Шэнь Тянье, кроме питательных капельниц, ничего не ел.

Эти три дня стали для Ци Хэюаня настоящим испытанием на прочность. Кроме полного отсутствия аппетита, он чувствовал, что его нервы находятся на грани срыва. Он даже боялся смотреть на Шэнь Тянье.

Он недооценил, насколько смерть Шэнь Тяньхуа ударила по Шэнь Тянье. Остон сказал, что тот просто не хочет просыпаться и принимать реальность.

Шэнь Тянье очнулся только на четвёртое утро. Его зрение было затуманено, и потребовалось время, чтобы разглядеть лицо Ци Хэюаня, на котором была улыбка, больше похожая на гримасу.

Увидев, что Шэнь Тянье открыл глаза, Ци Хэюань долго стоял, оперевшись головой о кровать, пока Шэнь Тянье не тронул его рукой. Тогда он поднял голову, и в его голосе звучали слёзы.

— Ты наконец-то проснулся. Ты меня напугал.

Он хотел отругать Шэнь Тянье, когда тот очнётся, но, увидев его открытые глаза, едва сдержал слёзы и не смог выговорить ни одного резкого слова.

— Тянье, умоляю тебя, поправляйся скорее. У тебя уже три дня температура, я больше не могу это выносить. — Голос Ци Хэюаня дрожал, в его глазах читалась беспомощность.

Ци Хэюань всегда презирал мужчин, которые легко плачут. Он считал, что мужчина может часто проливать кровь, но не слёзы. Однако в эти дни он делал то, что всегда осуждал.

Шэнь Тянье открыл рот, его голос был хриплым.

— Я же проснулся.

Он хотел дотронуться до Ци Хэюаня, но не смог пошевелиться.

Они долго смотрели друг на друга, пока Шэнь Тянье не отвёл взгляд.

— Моя сестра... Почему она покончила с собой?

Ци Хэюань, подавив боль в сердце, помог Шэнь Тянье сесть и поднес к его губам кашу.

— Сначала поешь, а потом я расскажу.

<http://bllate.org/book/16897/1566783>